

Посвящается Джо

Содержание

Пролог	9
1. Тайное убежище	13
2. Жизнь на острове Каттенбург	19
3. Открытый гроб	26
4. Тяжело в работе	34
5. Война	40
6. Arbeitensatz (рабочее задание)	47
7. Бегство	62
8. Похоронен заживо	72
9. Неверное решение	87
10. Пересыльный лагерь Амерсфорт	99
11. Концлагерь Нойенгамме	113
12. Подлагерь Хузум-Швезинг	130
13. Первый день на работе	139
14. Сломанные лопаты	146
15. Новички	156
16. Revier (лазарет)	168
17. Нет еды – нет врача	179

18. Снова в Нойенгамме	190
19. Чистое бритье	203
20. Печеньки от эсэсовца	210
21. Кролики в концлагере	222
22. Масляные лампы и розовые треугольники	233
23. Заметая следы	241
24. Узники в море	249
25. «Кап Аркона»	258
26. Освободители на горизонте	269
27. Молитвы услышаны	283
28. Свободен, но все еще в заточении	294
Эпилог	306
Благодарности	310
Дополнительные материалы	314

Пролог

Залив Любека, Германия, 3 мая 1945 года

Истребители появились с юга. Фосфорные бомбы и ракеты обрушились на огромный океанский лайнер «Кап Аркона», перевозивший пять тысяч узников концлагерей. Корабль мгновенно превратился в огненный ад. Немецкие зенитки не могли отразить атаку, треск пулеметов и непрерывные взрывы дополняли картину безумия. Истощенные узники тщетно пытались найти укрытие.

Виму нужно было действовать быстро. Он огляделся вокруг. Роскошный балльный зал был завален трупами и частями тел. Капающая кровь пятнала белоснежные панели и богато украшенные потолки. Повсюду метались солдаты. Мертвецки пьяные и охваченные слепой паникой, они стреляли во все, что движется.

Вим скорчился под столом и заставил себя мыслить трезво.

Через несколько минут «Гайфуны» исчезли так же быстро, как появились, и вокруг воцарилась потусторонняя тишина. Корабль сильно пострадал, но все же оставался на плаву. И вот раздались крики и стоны

истекающих кровью раненых. Немецкие фольксштурмисты (именно им поручили охрану заключенных) выкрикивали команды. Большинство эсэсовцев бежали еще предыдущей ночью.

Нужно было выбираться. Нужно было как можно быстрее покинуть корабль — Вим это отлично понимал. Он много месяцев провел в самом страшном немецком концлагере, в нечеловеческих условиях. Все, кто находился там рядом с ним, умерли от голода, болезней и жестокостей немцев. «Хузумский ад» — так называли они этот лагерь. А потом он работал до изнеможения в лагере Нойенгамме. Садисты-эсэсовцы придумали собственный девиз: *Vernichtung durch Arbeit*, то есть «Истребление через труд». Заключенные здесь погибали от изнеможения, отчаяния и царящего вокруг безумия. Он сумел выжить — и не спрашивайте как. Неужели его жизнь оборвется вот так, когда свобода уже совсем близка?

Он собрал всю волю в кулак. Ни за что!

Вместе с двумя немецкими заключенными Вим стал выбираться наверх, на палубу, на свежий воздух. Они были не единственными. Сотни людей давили друг друга, чтобы выбраться. Если, конечно, можно назвать эти скелеты в лохмотьях людьми. Они давили друг друга, прижимаясь к железному корпусу корабля. Корабль начал крениться и сильно нагреваться. Немецкие солдаты стреляли во всех, кто попадал в перекрестье их прицелов.

А потом самолеты вернулись. Они не заметили поднятый капитаном белый флаг — да его и невозможно было разглядеть сквозь дым. Тонущий корабль вновь подвергся обстрелу. Взрывались бомбы, автоматные пули свистели вокруг Вима. Он подбежал к небольшой

лесенке, бросился вниз через две ступеньки разом и укрывшись под металлической платформой.

Весь дрожа, он одним глазом смотрел на происходящее сквозь железные поручни. На палубе царила та же безумная паника. Солдаты не переставая ругались и стреляли в воздух. Когда очередная атака стихла, он осторожно выбрался и осмотрелся. Море было покрыто трупами. В воздухе стоял запах смерти — этот запах был ему хорошо знаком с того момента, когда немцы впервые схватили его во время облавы, а потом начался путь по камерам пыток Амстердама и концлагерям Европы. В нацистской Германии были лагеря и без газовых камер, но они были не менее эффективны. Не человеческие условия жизни за колючей проволокой, и единственный выход — труба крематория. Десятки тысяч гражданских лиц были замучены и убиты, и воздух вокруг Нойенгамме на годы окрасился в серый цвет пепла и пропитался зловонием — таким стало наследие замученных жертв. Узники прибывали сюда из России, Нидерландов, Польши и Дании. Из Германии, Италии, Бельгии и Франции. По большей части это были молодые мужчины, в самом расцвете лет.

Виму удалось выжить. Он весил меньше сорока килограммов, но железная воля не позволяла сдаться и упасть. Войска союзников приближались с каждым днем, и тогда последних выживших погрузили в вагоны для скота и отправили на север, в последнюю часть нацистской Германии, где в царстве ужаса господствовали СС. Этот путь многим стоил жизни.

Вим чувствовал, что палуба уходит из-под ног. Корабль содрогнулся — где-то внизу произошло несколько взрывов. Он смотрел на иссиня-серые волны, где

среди трупов выжившие дрались за спасательные жилеты и фрагменты деревянной обшивки.

Солдаты выискивали в море выживших, которые один за другим уходили под воду. Приказ рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера был предельно ясен: «Ни один узник не должен попасть в руки врага живым».

Приказ есть приказ, и солдаты стреляли. Измученные узники, которым каким-то чудом удалось укрыться от пуль, становились жертвами ледяной воды. Мышцы их леденели, они медленно погружались на дно Любекского залива.

«Это были британцы! Британцы!» — стучало в висках Вима. Он узнал очертания «Тайфунов». Освободители, которых все так долго ждали, принесли истощенным узникам новые страдания и смерть.

Для британской авиации большой налет на немецкие суда стал колоссальным успехом. Они считали, что разбомбили корабль, на котором эсэсовцы и лидеры нацистской партии пытались бежать в Скандинавию. Известный и заслуженный командир 198-й эскадрильи Королевских военно-воздушных сил Джонни Болдуин, руководивший налетом, к этому времени уже сидел за триста километров от Любека вместе с другими английскими пилотами и попивал холодное пиво.

А на палубе пылающего «Кап Аркона» Вим все еще боролся за жизнь. Мысленно он вернулся к матери и сестре, которые остались в Амстердаме. Он должен увидеть их вновь, рассказать свою историю. Горячий воздух сжигал ему легкие.

Вим сделал глубокий вдох, закрыл глаза и прыгнул.

1

Тайное убежище

Амстердам, Нидерланды, 1932 год

— **А**х ты, мелкий говнюк! Я знаю, что ты здесь, паразит!

Вим услышал, что шаги приближаются. Он спрятал лицо в коленях и крепко зажал нос, чтобы не расчихаться от огромного количества пыли. Он надежно спрятался за стиральной доской. Доска толщиной в полсантиметра укрывала его от чужих глаз — и от трепки. И для этого ничего не было нужно. Отчим, как это часто бывало, был мертвецки пьян, а в таком состоянии ему всегда хотелось выплеснуть свою злобу и ненависть на своего девятилетнего пасынка.

— Выходи, паразит, и ты увидишь, что с тобой будет!

Вим слышал тяжелое дыхание своего мучителя. Сквозь узкую щель в стиральной доске он видел, что отчим стоит совсем близко. Хендрику Алозерии приходилось упираться обеими руками, чтобы не упасть. Левой рукой он схватился за стиральную доску, а правой все еще держался за ручку двери.

В эту субботу Вим играл в маленькой кухне и вдруг услышал, как открывается входная дверь. По нетвер-

дым шагам на лестнице он сразу же понял, что нужно прятаться.

— Быстро уходи отсюда, — шепнула мать.

Он кинулся по лестнице на чердак. Он осторожно ступил на узкую балку под стропилами и принялся считать шаги. Через двадцать пять шагов он оказался за стиральной доской. Дорогу к лучшему убежищу он мог найти даже в кромешной темноте. Места здесь хватало, чтобы сидеть съездившись и затаив дыхание ждать, когда отчим начнет розыски.

— Маленький говнюк!

От излюбленного ругательства Алозерия Вим содрогнулся всем своим худеньким телом, но лишь на мгновение. Времена, когда он дрожал как лист, остались в далеком прошлом. И все же он порой просыпался посреди ночи весь в поту, когда ему снилось, что отчим поймал его и задал трепку.

Он видел, как тонкие губы Алозерия дрожат от ярости. Длинное лицо, лысая загорелая макушка, выпученные светлые глаза. Уши у отчима были такими огромными, что даже в такой страшный момент Вим не смог удержаться от улыбки. Он был по-настоящему счастлив, что Алозерий — не его настоящий отец, что он пойдет по жизни с обычными, нормальными ушами другого мужчины. А еще у него были красивые вьющиеся волосы, четко прорисованные брови и плутоватая усмешка, которая, несмотря на юный возраст, уже сделала его очень популярным у местных девчонок.

Алозерий отправился искать пасынка в спальне, напротив ванной комнаты. В спальне стояла кровать старшей сестры Вима, Джо, а другую Вим делил со свод-

ным братом, Хенком. Не найдя пасынка и в спальне, Алозерий, непрерывно сыпля ругательствами, зашагал к себе, чтобы рухнуть и захрапеть. Вим слышал, как он, шаркая ногами, направляется к лестнице и медленно спускается. По крайней мере, сегодня он не так пьян, как несколько дней назад, когда пересчитал все ступеньки собственной задницей.

Семья жила в маленькой квартирке в доме 78 по Кляйне Каттенбургерстраат. Ничего просторного или роскошного, хотя в сравнении с большинством других детей этого маленького острова в восточной части Амстердама Виму было не на что жаловаться. Его приятель Пит Клавер, живший неподалеку, делил спальню с четырьмя братьями. Отец их погиб в результате несчастного случая в порту, и теперь семья жила на пособие. Им помогали соседи, мать и мальчишки брались за любую мелкую работу и худо-бедно выживали. За квартиру они платили всего 1,75 гульдена в неделю — вот почему им пришлось поселиться на острове.

В маленьком доме Вима дети слышали все. Внутренние стены были тоньше несущих, да и несущие были всего в семь сантиметров толщиной. Зимой на внутренней стороне окон намерзал толстый слой льда. А когда дул восточный ветер, сквозь все поры фасада проникал ледяной холод. Когда температура на улице падала ниже нуля, в спальне было ненамного теплее.

Отчим Вима получал зарплату по субботам. Он работал на стройке, и ему платили 17 гульденов в неделю. За эти деньги он работал шесть дней в неделю по